

Победители забвения

Немногим более десятилетия назад одна вслед за другой вышли историко-литературные книги профессора Ивана Михайловича Дузя "Переможці забуття" (1992) и "Сквозь тернии ГУЛАГа" (1993). Они могли быть объединены одной обложкой и названием. И не только по причине очевидно одесского материала.

В обеих речь шла о трагических и драматических судьбах писателей в первой половине XX века. Обе основаны на документах открывшихся в начале 90-х архивов и спецхранов, на рукописях и письмах героев, на свидетельствах их родных, друзей, знакомых. Готовя книги к публикации, исследователь предложил их фрагменты газетам "Чорноморські новини", "Одесские известия", "Вечерняя Одесса"; рубрики разных изданий перекликались: "Возвращенные имена", "Возвращение из небытия", "Память".

Через шесть десятилетий забвения, после преследований и репрессий 20-30-х годов и формальных реабилитаций 50-60-х, не в жизнь, но в сознание общества снова входили Владимир Гадзинский, Василь Миколук, Пантелеймон Педа, Дмитро Надин, Евгений Григорук – немногие из тысяч, названных сегодня "расстрелянным украинским возрождением".

Главы книги "Сквозь тернии ГУЛАГа" – документальные очерки об участии одесских писателей Ханана Вайнермана, Айзика Губермана, Ирмы Друкера и Нотэ Лурье, ставших жертвами тоталитарной системы в конце 40-х годов. В предисловии автор писал: "...Волна репрессий докатилась до Одессы. Создавалось общественное мнение. За разоблачениями шли аресты и другие наказания ни в чем не повинных людей. ...Сегодня понимаешь, что это (общегородское собрание писателей. – **Л. Д.**) была своеобразная Варфоломеевская ночь. Обвинялись в антисоветской деятельности писатели, группа артистов Одесского еврейского театра, композиторы, художники. Через некоторое время (оно, видимо, понадобилось для сбора компромата и обработки свидетелей) проводятся аресты, выбиваются доказательства виновности. ...Но они выдержали все испытания ада, вернулись к своим семьям, к друзьям, к любимой работе. Они прошли сквозь тернии каторги, оставаясь людьми, верными сынами своего народа".

Фактический материал книги дополняли газетные статьи И.М. Дузя о неизвестных страницах творческого наследия и о личных архивах писателей: "Репрессированные главы романа" ("Вечерняя Одесса", 28 декабря 1990), "Жорна наруги" ("Чорноморська комуна", 15 января 1991), "Крізь терни ГУЛАГу" ("Одеські вісті", 10 февраля 1993), "Один з перших" ("Одеські вісті", 11 марта 1993), "Чорнобильська доля" ("Одеські вісті", 6 марта 1993), "Нескореність" ("Одеські вісті", 22 июня 1993), "Письма из ада" ("Юг", 31 июля 1993).

Эти публикации не были случайными. Творчество писателей, деспотично поставленных вне закона, стало предметом исследования и темой многочисленных статей И.М. Дузя с началом "оттепели". В 1957 году он осуществил публикацию в центральном

академическом журнале разысканных стихотворений И. Кулика, связанного с Одессой временем учебы в художественном училище до эмиграции в США в 1914, а после возвращения – видного государственного деятеля послереволюционной Украины и посла в Канаде, поэта, "вычеркнутого" из истории литературы в 30-е годы.

С конца 50-х литературовед собирал сведения и публиковал статьи и предисловия к подготовленным им изданиям Е. Григорука, В. Миколюка, О. Слисаренко, Д. Надиина. Тогда же начал сбор и изучение материалов для своего научного исследования о творчестве Остапа Вишни и большой плеяды украинских сатириков, репрессированных и уничтоженных в 20-30-е годы. За время этой исследовательской работы кроме очерка и монографии о творчестве Вишни были написаны примечания (они составили 12 печатных листов) к семитомному собранию сочинений (1963-1965) сатирика, а также более тридцати статей о Валере Пронозе (Василе Блакитном), Косте Котко (Миколе Любченко), Василе Чечвянском (Василе Губенко), Юхиме Гедзе (Олесе Ясном), Юрии Вухнале (Иване Ковтуне)...

В ту пору накопления первичных данных о многих, часто малоизвестных писателях важен был, по словам профессора Павла Гриценко, "труд чернорабочих, которые отыскивали не только необходимый "контекстный" материал, на фоне которого можно было бы рассмотреть творчество писателя, но нередко и сами произведения. К таким литературоведам принадлежал и И.М. Дузь".

Целое приходилось воссоздавать по деталям. Раскрытые писательские судьбы расширяли представление о времени. Возникали "новые" значительные фигуры. С середины 50-х И.М. Дузь вел переписку с литераторами и людьми, близкими к литературным процессам недавнего прошлого. Немалая часть разысканий, помогая ходу исследования, не вмещалась в прокрустово ложе диссертационного жанра и в регламентированный объем работы. Однако убежденность в том, что восстановление справедливости – не только акт юридический, но и моральный процесс, укрепило желание обнародовать материалы, по канонам строгой науки несущественные, и опубликованием возвести их в ранг факта.

Были собраны воспоминания о Павле Михайловиче Губенко. Казалось бы, подвижка в русле свежих веяний начала 60-х. Однако количеством свидетельств, представленными фактами, густотой приведенных реалий обстоятельств и времени сборник "Живий Остап Вишня" (1966) выполнил миссию более чем мемориальную. Он не позволил "обронзовить" израненную болью фигуру, привлек внимание ко множеству вопросов, ответов на которые, впрочем, не дал ни тот, ни последующий период.

Через три десятилетия, соотнося лозунги и реальность прошлого, Владимир Лясковский писал в статье "За правду и за ложь отвечают совестью...": "Наука не терпит верхоглядства, ей нужны открытия, глубокие исследования. Кандидатская диссертация (И.М. Дузя. – Л. Д.), отражавшая злободневные процессы в украинской культуре, вызвала горячие споры. Отвага и фронтная выдержка потребовались для защиты докторской диссертации "Остап Вишня и развитие украинской советской сатиры и юмора". Кое-кто из скептиков

и перестраховщиков предрекал полный провал: мол, Остап Вишня хоть и освобожден из лагерей (тринадцать лет сталинской каторги) и хоть его юморески печатаются в "Перце", но московская пресса помалкивает о его реабилитации, стоит ли рисковать? Теперь, конечно, это звучит дико, но в начале шестидесятых?.." ("Одесские известия", 18 ноября 1994).

Со временем проблема "власть и художник" начала приобретать не только исторический смысл. Но и в 70-80-е годы И.М. Дузь находил возможность напоминать о "болезненной" теме. Богдан Сушинский вспоминает, что воспринимал газетные публикации о прежде неизвестном, забытом или нарочно умалчиваемом как один из нравственно-этических уроков профессора Дузя.

Кроме упомянутых творческих импульсов была и психологическая мотивация этих длившихся десятилетия исследований. Четыре предвоенных студенческих года создали в памяти свой образ Одессы. Осознание второго плана "времени побед и свершений" – обвинений, арестов, допросов, смертей без приговора – пришло позднее. Чужие судьбы не могли не проецироваться на свою. Многие из того, что собрал и написал И.М. Дузь об одесском студенчестве 20-х во второй главе книги "Смішного слова чародій" (1989), читается как недостающий контекст его собственной судьбы.

Изучение творчества писателей, "изъятых" из жизни общества на долгие десятилетия, стало научным направлением и ощущалось как личная ответственность. В переписке с Никитой Павловичем Годованцем, баснописцем и переводчиком, пережившим сталинский лагерь смерти, И.М. Дузь не раз убеждал поэта преодолеть осторожность и решиться на публикацию сложных, требующих глубокого анализа произведений. В письме от 8 января 1967 года он писал о своем понимании долга: "...И это должна быть не амнистия, не минорное сочувствие, но могучее утверждение подвига – жизненного, творческого, профессионального – этих людей".

Три десятилетия разделяют первые публикации И.М. Дузя о реабилитированных писателях и его книги начала 90-х годов. Даже беглый взгляд на давнишние портретные литературно-критические очерки позволит заметить в их тексте характерный пробел в 2-3 интервала – между биографией (со скупой финальной строкой о гибели в 30-х) и частью, посвященной творчеству. Этот пробел – знак дихотомического представления о жизни писателя – оставался принципиальным для литературоведения шестидесятых. В книгах "Переможці забуття" и "Сквозь тернии ГУЛАГа" "белые пятна" заполнились свидетельствами, архивными и человеческими. Неизвестные ранее документы дали основания перенести акцент с факта реабилитации на сущность преступления против жизни и человечности. Рукописи, письма, записи бесед с родственниками и друзьями, со всеми, кто мог свидетельствовать и через столетия, реанимировали человеческую боль. Живые чувства, не менее чем прямой пафос исследователя, создали в этих книгах достойный противовес протоколам допросов со старым грифом "Совершенно секретно".